УДК 82-09
DOI 10.52452/2658-7475-2026-3-31-134-149

ПОЭТОЛОГИЯ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

© 2026 ***К.В. Каменский***

Каменский Кирилл Владимирович, SPIN-код: 2518-1806, ORCID: 0009-0007-3354-5233, аспирант кафедры литературы, Курский государственный университет (Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33), deconstruction@internet.ru

Статья поступила в редакцию: 04.07.2026
Статья принята к публикации: 15.09.2026

В статье проанализированы поэтологические взгляды Велимира Хлебникова, рассредоточенные в его художественных, публицистических и теоретических текстах. Цель исследования заключалась в систематизации авторских представлений о природе поэзии, роли поэта и задачах творчества, а также в теоретической разработке понятия «поэтологема» («поэтологизм») как методологического конструкта для проведения литературоведческого анализа ключевых единиц авторской поэтики. Материалом послужили художественные, теоретические и автодокументальные тексты, представленные в шеститомном собрании сочинений Хлебникова. В ходе работы были выделены ключевые принципы поэтологии Будетлянина: словотворчество как выявление скрытых ресурсов языка, математическая интерпретация истории, отказ от строгих силлабо-тонических размеров, установка на соучастие читателя, обнажение двусмысленности слова, а также ориентация на будущее и снятие критерия понятности, применяемого к оценке поэтического текста. Результатом стало введение понятия «поэтологема», определяемого как регулярно воспроизводимая образно-терминологическая единица, обладающая устойчивым семантическим ядром и функционирующая одновременно в художественном и внехудожественном дискурсах. Были выделены следующие основные (макро)поэтологемы Хлебникова: «законы времени», «языководство», «будетлянство», «мыслезём», «Я-Мир», «мыслящая печь», «мнимость». В заключении сделан вывод о том, что поэтология Хлебникова представляет собой когнитивно-креативный проект, в котором математика, лингвистика, история и искусство выступают в качестве взаимодополняющих инструментов

осмысления и преобразования действительности. Разработанный в статье методологический конструкт («поэтологема») может быть применён при исследовании творчества других авторов, в поэтиках которых граница между художественным, философским и/или научным дискурсом также оказывается проницаемой.

Ключевые слова: Велимир Хлебников, поэтология, поэтологический анализ, поэтологема, идиостиль, авангард, футуризм, Серебряный век, будетлянство, законы времени, заумный язык.

Поэтология представляет собой современное междисциплинарное направление гуманитарных наук, находящееся на стыке филологии и культурологии. В современный исследовательский тезаурус данный термин ввёл М.В. Тростников, предложивший следующую дефиницию понятия: «*Поэтологией*[1] называется наука, изучающая “поэтическое” во всех его проявлениях, а поэтическая форма в свою очередь признаётся самой краткой, концентрированной и ёмкой формой выражения художественного сознания» [Тростников 1997, с. 6]. Некоторые учёные к области поэтологии относят широкий пласт филологических «дисциплин, ориентированных на всестороннее теоретическое и историческое изучение поэзии» [Бойков, Захаров, Пильщиков, Сысоев 2010, с. 6]. На современном этапе «поэтологию» принято соотносить со взглядами автора на поэзию, а также с его художественной программой и рефлексией относительно своего места в литературном процессе. Данному пониманию в разных аспектах отвечают определения С.В. Федотовой и А.А. Житенёва, которые предлагают понимать под «поэтологией» соответственно «познание и самопознание поэта в Логосе, раскрывающее его поэтическое миросозерцание и понимание человека, присутствующее в его творчестве и в авторефлексии на творчество» [Федотова 2012, с. 11], и «*выраженные в саморефлексивных текстах представления о предельных характеристиках поэзии, поэтичности и поэтического*» [Житенев 2022, с. 27]. Исследуя модернистский метароман, В.В. Котелевская посредством дефиса акцентирует внимание на двух составляющих термина и приводит следующую дефиницию: «…**Поэто-логия** – процессы и закономерности генерирования, компоновки и рецепции художественного текста, но, кроме того, работа художественного

[1] В данной работе курсивные выделения в цитатах приводятся по источнику, а полужирные сделаны автором статьи.

сознания, структуры воображаемого, взаимоотношения творящего и исторически-бытового – (авто)биографического – Я» [Котелевская 2018, с. 105]. Вместе с тем «поэтология» может пониматься и как наиболее глубокая, всесторонняя форма поэтики, в сферу которой включается вся художественно-образная целостность текста [Аймұхамбет, Миразова 2021, с. 8]. В таком случае познание поэтического смысла и формы произведения определяется как постижение созданного художником многослойного мира, включая эксплицитное и имплицитное содержание, замысел, иносказания и назидательные интенции [Аймұхамбет, Миразова 2021, с. 8]. Таким образом, «поэтология» манифестирует логику поэтического самопредставления автора и его творческую идеологию, то есть обусловливает его поэтику (поэтому данные термины часто употребляются как синонимы). Применительно к данному аспекту датский учёный Т.Р. Нильсен пишет о том, что целью поэтологического анализа является идентификация и описание художественной программы, которая придаёт литературному произведению форму [Nielsen 2020, s. 7].

Насколько известно, непосредственно поэтологические представления Велимира Хлебникова не становились предметом специального научного изучения, хотя различные аспекты его эстетических взглядов, особенности работы с языком, научные основания творчества и т.д. подробно описаны в ряде исследований [Васильев 2015, с. 9–27; Григорьев 2000, с. 57–466; Дуганов 1990, с. 5–152; Kaysers 2024, s. 65–67, 151–155]. Целью настоящей статьи является предварительное рассмотрение поэтологии избранного автора и теоретическая разработка понятия «поэтологема» в качестве методологического инструмента литературоведческого анализа.

Известно, что творчество Хлебникова характеризуется направленностью «на синтез далеко не всегда художественный по своим доминантам (например, математический, философский, естественнонаучный и т.п.)» [Васильев 2015, с. 22]. В теоретических, публицистических, автодокументальных и, разумеется, художественных сочинениях автор обращается к многостороннему рассмотрению таких категорий, как «язык», «время» и «число», работу с которыми характеризует как три «осады»: слова, времени и множеств/толп (см. мистерию «Скуфья скифа», повесть «Ка-2»). Поэтика Хлебникова отличается

полидискурсивностью, то есть сплетением различных способов репрезентации окружающего мира: художественного, научного, философского, литературно-критического. Так, в поэтическом и прозаическом творчестве автора смыслонесущими оказываются математические образы (числа $\sqrt{-1}$, 317 и др.), аллюзии к философским концепциям и открытиям учёных (И. Ньютона, Б. Спинозы, Ф. Ницше и т.д.), этические и эстетические размышления о человеке как биологическом виде (см. рассказ «Еня Воейков») и проч.

Будучи одним из основоположников русского литературного авангарда, Хлебников манифестирует поэтологическую программу *будетлянства*, которое, выходя за рамки личного метода, становится одним из ведущих направлений первой четверти XX в. *Будетлянство* базируется на стремлении понять законы мира и благодаря этому знанию его усовершенствовать. Путём установления закономерностей исторических событий Хлебников намеревался «найти оправдание смертям» [Хлебников 2020, т. 6, с. 315][2], а для преодоления разобщённости мира разрабатывал проект универсального средства коммуникации. Данные стремления представляются в виде *законов времени* и *заумного/звёздного языка* – двух центральных понятия авторской поэтологии. В.В. Маяковский писал, что фантастико-исторические работы Хлебникова «в основе своей – <…> поэзия» [МВХ 2000, с. 156], но, вскрывая семантику кириллического алфавита и производя историко-математические расчёты, Будетлянин отнюдь не ставил художественные задачи, а занимался настоящей исследовательской деятельностью. При этом, используя философские категории в литературном творчестве, он своеобразно демонстрировал эстетическую настроенность, поэтологию когнитивной деятельности [Кормин 2013, с. 60], то есть наглядно показывал, что «процесс познания совершается и под знаком искусства, воспроизводя идею “художественной прогулки” с продуманным маршрутом, в ходе которой выявляется, какие новые оттенки прибавляют к портрету познания эстетические произведения, как остроумно обыгрывается в них тема познания, соотношения антропологического и рационального» [Кормин 2013, с. 60–61].

[2] Далее ссылки на собрание сочинений автора приводятся в круглых скобках с указанием тома и страниц, например: (6:315).

Анализ собственно поэтологических взглядов Хлебникова позволяет вскрыть некоторые из характеризующих его метод принципов:

– неологизация, понимаемая как выявление и использование скрытых ресурсов языка, этимологическая поэтика [Kaysers 2024, s. 65–67], утверждение собственных *языководских* (словообразовательных) взглядов и практик: «Словотворчество есть взрыв языкового молчания, глухонемых пластов языка» (6:149), «Мы учим: слово управляет мозгом, мозг – руками, руки – царствами. Мост к самовитому государству – самовитая речь» (6:181);

– формирование собственных знаковых систем, в частности, *заумного* и *звёздного* языков[3] как средств, которые потенциально способны противостоять разобщению человеческого сообщества: «Заумный язык есть грядущий мировой язык в зародыше. Только он может соединить людей. Умные языки уже разъединяют» (6:155);

– математическое понимание истории, которое проявляется в стремлении установить закономерности событий и использовать полученные знания, чтобы избежать неблагоприятного стечения обстоятельств в будущем: «Перед вами Будетлянин со своей “балалайкой”. На ней прикованный к струнам трепещет призрак человечества. А Будетлянин играет, и ему кажется, что вражду стран можно заменить ворожбой струн» (6:157), «Знание будущего в том отношении расширяет права свободы воли, что знающий когда наступит на земле прилив, сумеет отойти от него» (6:377);

– утверждение грядущего как ориентира творческой деятельности: «Родина творчества – будущее. Оттуда дует ветер богов слова» (1:8);

– осознанный частичный отказ от силлабо-тоники: «Строгий размер есть немая пляска, но свобода от него (не искусственная, а невольная) есть уже язык, чувство, одаренное словом. Это общая черта людей песни будущего» (6:54);

– настроенность на случайность и соучастие читателя в акте творчества: «Вы помните, какую иногда свободу от данного мира даёт

[3] Иногда они выступают как синонимы. Стоит отметить, что «языковой каталог» Хлебникова далеко не исчерпывается указанными типами. В. П. Григорьев в ходе подробного анализа выделяет у поэта 53 вида «языков» [Григорьев 2000, с. 123–139].

опечатка. Такая опечатка, рождённая неосознанной волей наборщика, вдруг даёт смысл целой вещи и есть один из видов соборного творчества и поэтому может быть приветствуема как желанная помощь художнику» (6:152);

– отказ от критерия понятности как категории, определяющей эстетическую ценность поэтических текстов, в пользу искренности: «Стихи могут быть понятными, могут быть непонятными, но они должны быть хороши, должны быть истовенными» (6:243).

Из рассмотрения данных выдержек следует, что ориентация на будущее (*будетлянство*) задаёт вектор творчества Хлебникова и обусловливает его собственно литературную и жизненную задачи: (жизне)творчество мыслится им не как отражение настоящего или прошлого, а как инструмент конструирования грядущей реальности. Хлебников последовательно отказывается от строгого силлабо-тонического строя поэтического текста, а также утверждает первенство искренности стихов, отказываясь их оценивать с опорой лишь на критерий понятности. Словотворчество трактуется поэтом как деятельность, направленная на высвобождение языкового потенциала (*языководство*), а *заумный язык* при этом объявляется средством преодоления разобщённости человечества посредством организации универсальной коммуникации. Историко-математические вычисления используются Хлебниковым для установления причин предшествующих событий и прогнозирования будущего, что обусловливает возможность корректировать ход истории, расширяя «права свободы воли». Поэтология Хлебникова, таким образом, не просто представляет собой совокупность взглядов на природу поэзии, место и роль поэта в мире и т.д., а оформляется в когнитивно-креативный проект, в котором математика, лингвистика, история, философия и искусство выступают в качестве взаимодополняющих инструментов для осмысления и преобразования окружающей действительности. Таким образом, творчество Хлебникова подчиняется единой сверхзадаче – гармонизировать мир через создание и распространение универсального (*звёздного*) языка и овладение законами времени. Деятельность Будетлянина органично вписывается в парадигму «поэтологии знания», в рамках которой познавательный процесс связывается с эстетическим переживанием и эстетическим осмыслением когнитивных феноменов [Кормин 2013, с. 65].

В художественных, (квази)научных, философских, публицистических, эпистолярных и др. текстах Хлебников использует множество оригинальных концептуальных единиц. К ним относятся, к примеру, следующие: *будетлянин, да- и нет-единицы, заумный язык, законы времени* и т.д. Подобные элементы поэтики реализуются одновременно как специфические авторские термины и как художественные образы. Так, *мыслезём* в заметке «О будущем человека» (1907) является понятием натурфилософской концепции (соотносящимся с появившейся позднее *ноосферой* Э. Леруа, Т. де Шардена и В.В. Вернадского [Дуганов 1990, с. 284–297]), а в стихотворениях в прозе «Искушение грешника» и «Песнь Мирязя» – элементом образной системы (при этом нельзя говорить о том, что при художественной реализации натурфилософская семантика элиминируется). Параллельное использование автором подобных терминов-образов уже отмечалось некоторыми учёными [Григорьев 2000, с. 136–139], но семантика и функционирование данных единиц на примерах конкретных текстов практически не исследовались. В связи с этим представляется целесообразным введение в качестве методологического конструкта понятия «поэтологема»/«поэтологизм».

В русскоязычном литературоведении «поэтологема» является редким и недефинированным термином, связанным либо с собственно поэтологическими образами (так, В. Швилар говорит о поэтологеме *кинжала* как ‘стихе’ [Швилар 2024, с. 35]), либо с определённым поэтическим видением мира (напр., Г. Киршбаум пишет о «меланхолических поэтологемах современности» [Киршбаум 2016, с. 390]). А.А. Егоров использует близкое по форме слово «поэтологизм» для обозначения специфического авторского термина, роль которого может выполнять либо переосмысленное научное понятие, либо художественный образ [Егоров 2013, с. 89]. В немецкой филологии термин «Poetologeme» выступает маркером художественных программ, поэтического переосмысления понятий или саморефлексивных размышлений о версификации, практике письма, творчестве в рамках как художественного, так и нехудожественного текста [Ammon 2018, s. 234–235; Hufnagel 2017, s. 6; Kita-Huber 2015, s. 229; Scherer 2003, s. 48]. Х. Хуфнагель обозначает в качестве поэтологемы творчества поэтов-парнасцев «науку», понимая под ней ссылки на соответствующий тип знания и исследовательские методы [Hufnagel

2017, s. 6–7, 333]. С. Шерер называет поэтологемой романтической драмы Л. Тика ориентацию на оправданную воображением поэтическую истину [Scherer 2003, s. 48]. Я. Кита-Хубер, рассматривая творчество Ж. Поля, использует названный выше термин для обозначения метафорически обогащённого религиозного понятия «Преображение» [Kita-Huber 2015, s. 229]. В указанных работах употребление изучаемого нами понятия достаточно фрагментарно и малозначимо (оно упоминается лишь несколько раз, почти не используется в качестве инструмента литературоведческой оптики). Кроме того, данной единице не даётся определения (исключение – работа Х. Хуфнагеля). Следовательно, содержание термина «поэтологема» («Poetologeme») оказывается неопределённым и поэтому в большой степени релятивным.

С учётом проведённого выше анализа мы предлагаем рассматривать «поэтологему»/«поэтологизм» как *регулярно воспроизводимую образно-терминологическую единицу, обладающую устойчивым семантическим ядром и функционирующую одновременно в художественном и внехудожественном дискурсах, посредством чего она формирует и репрезентирует авторскую модель поэтического мышления*. Предвидя потенциальные вопросы о соотношении вводимого понятия с рядом устоявшихся категорий (образом, концептом, авторским термином), считаем необходимым представить детализированное теоретическое описание методологического конструкта.

«Поэтологизм» не может быть сведён ни к образу, ни к авторскому термину, ни к концепту, хотя и совмещает в себе черты каждого из понятий. «Поэтологема», как и художественный образ, эстетически мотивирована, участвует в создании «ощутимого, переживаемого построения» [Поэтика 2008, с. 209], «отражает как содержание познаваемого явления, так и содержание личности художника в их взаимопроникновении и выражает всеобщие закономерности жизни в вымышленном индивидуальном явлении» [Поэтика 2008, с. 149]. Как и концепт, «поэтологизм» является мыслительной единицей. Он обладает множеством форм воплощения, которые зависят от контекста, авторского замысла, культурных и литературных традиций [Абдыкадырова, Назарова 2022, с. 113]. Кроме того, он связывает «определенный художественный текст с другими произведениями писателя, ху-

дожественной литературы» [Васильева 2012, с. 52]. Подобно авторскому термину, «поэтологема» может быть образована от существующего понятия (напр., $\sqrt{-1}$) или создана путём неологизации (напр., *будетлянин*). Функционируя в рамках оригинальной научной концепции, она, как авторский термин, выступает в качестве специального знака (напр., *законы времени*), соотносимого с конкретной гипотезой и предназначенного для решения строго определенных задач [Сложеникина, Растягаев, Кухно 2018, с. 55]. Вместе с тем «поэтологизм» отличается: от образа – когнитивной наполненностью и способностью использоваться в нехудожественных целях; от концепта – обязательным сочетанием эстетико-поэтологического и терминологического при необязательном учёте культурных/языковых коннотаций[4]; от авторского термина – поэтологической детерминированностью, или, иными словами, включённостью в художественную программу и образную систему конкретных текстов. Поэтологема эксплицитно или имплицитно участвует в реализации творческой программы субъекта литературной деятельности, а непосредственно в литературных сочинениях автора содержит художественную семантику, характеризуется рефлективно-познавательной направленностью и реализует выразительные функции и/или различные поэтические приёмы (напр., *скорнение* [Григорьев 2000, с. 280–290]). Таким образом, когнитивно-эстетическая природа «поэтологизма» проявляется в способности аккумулировать мировоззренческую модель автора в семантически устойчивой образно-терминологической единице.

Определять «поэтологему» предлагается через следующий ряд признаков: 1) регулярная воспроизводимость (повторяемость единицы в корпусе текстов автора); 2) смысловое ядро при формальной вариативности (воплощение в множестве внешне различных форм с сохранением смешанной – художественной и внехудожественной – семантики); 3) интегративность и интердискурсивность («поэтологизм» представляет собой термин-образ-концепт, который функционирует в художественных, научных, философских, публицистических

[4] К примеру, «зима» и «Петербург» у И.Ф. Анненского и Г.В. Иванова могут выступать в роли художественных образов и концептов [Тарасова 2020, 76–93, 109–119], но не в качестве терминов, связанных с индивидуальной поэтологией.

и иных текстах); 4) системность (образование сети коррелирующих вариантов, включенность в структуру единиц более высокого/низкого уровня, образующих единое семантическое поле).

Принцип семантического ядра при формальной вариативности особенно отчётливо проявляется в творчестве Хлебникова, активно занимавшегося словообразовательными практиками. В аспекте системного описания авторского стиля целесообразно выделить также «макропоэтологемы» (аналитически выводимые исследователем базовые образования, задающие смысловой центр связанных единиц) и «микропоэтологемы» (единицы, непосредственно представленные в творчестве автора). На основе анализа шеститомного собрания сочинений Хлебникова его основные поэтологизмы могут быть кратко представлены в следующей таблице:

Макропоэтологемы	**Микропоэтологемы**	**Примеры реализации**
Законы времени	*Законы времени; событие* и *противособытие; «да»-единица* и *«нет»-единица; 317 / «священное число»;* и др.	«Чистые **законы времени** мною найдены <около 17.XII> 20 года, когда я жил в Баку, в стране огня, в высоком здании морского общежития, вместе с Добролюбовским» (6:315); «Напротив, для двух обратных точек во времени очень своеобразна скрепа $3^a + 3^a$ или $3^n + 3^n$, или в более простом виде 3^n. Такая скрепа времени соединяет **событие** и **противособытие** во времени» (6: 318); «Я велик. Лишь я поставлю **“да”-единицу** / В рассудке моем, – / Будет великого Рима пожар <…> “**Нет”-единицу** поставлю, – / Будет гореть Византия» (2:170) и др.
Языководство	*Звёздный язык; заумный язык; «самовитый» + «слово/речь/песня»;*	«Песни **звёздного языка**» (5:287); «Верующие. Спой нам **самовитые песни**! Расскажи нам о *Эль*! Прочти на **заумной речи**»

	внутреннее склонение слов и др.	(5:281); «Ученик. Слыхал ли ты, однако, про **внутреннее склонение слов**? Про падежи внутри слова?» (6:33) и др.
Будетлянство	*Будетлянин; Будетли; времянин; Председатель Земного Шара; зачеловек; творяне* и др.	«Страна **Будетли**, страна **Будетли**, будешь ли ты? И народ **будетлян**, и голубоглазый народ **будетлян**, будешь ли ты?» (5:92); «Это шествуют ***творяне***, Заменивши *д* на *т*, Ладомира соборяне / С Трудомиром на шесте» (3:205); «…**Зачеловек** в переднике плотника пилит времена на доски и, как токарь, обращается с своим завтра» (6:221) и др.
Мыслезём	*Мыслезём; Земля-Мозг; мировой разум; земли, подчинённые мысли; мыслезёмные поля; мыслезёмные воздушные тела сущих* и др.	«А в то же время ум учёных / В миры другие устремлён, / Из **зе́мель, мысли подчинённых**, / Хотел построить жизни сон» (3:282); «Я верю: **разум мировой** / **Земного** много шире **мозга** / И через невод человека и камней / Единою течет рекой, / Единою проходит Волгой» (3:339); «И была кривдистая правда, и качались грусточки над озером грустин, и был умночий пущи зол, и ужас стоял в **полях мыслезёмных**, и пение луков меняубийц…» (5:37) и др.
Я-Мир	*Юноша Я – Мир; Мирязь; Хлебникова поле; Ястмир / Ястлюд; Ладомир* и др.	«В мыслезёмных воздушных телах сущих возникали каменные взоры и взгляды, а высеченные из некоего изначального мирня мировые тела трубящих **мирязей** свивались в двувзглядный взор и медленно опускались на дно морское» (5:21); «…После метели

		ужасных и страховидных кумиров был **Ястмир** людоногий, парящий над всем…», «И ответным клёкотом клекотал **Ястлюд**, срывающий клювом человеческую пену с людяного моря» («Искушение грешника», 1908) (5:37) и др.
Мыслящая печь	*Мыслящая печь; живая печка; печи* др.	«Чудак! / Мог бы поленом войти / В **мыслящую печь человека** / И зажечь его ум новыми мыслями, / Новым разумом мысли. / Видишь, – голодный, согнулся и бродит. / **Печка живая без дров** ходит по берегу» (5:210) и др.
Мнимость	$\sqrt{-1}$*; корень из нет-единицы / корень из безъединицы;* $\sqrt{-\text{человека}}$ и др.	«Есть запах цветов медуницы / Среди незабудок / В том, что я, / Мой отвлеченный строгий рассудок, / Есть **корень из Нет-единицы**, / Точку раздела тая, / К тому, что было, / И тому, что будет. Кол» (2:348); «А вы знаете, что природа чисел та, что там, где есть да – числа и нет – числа (положительные и отрицательные существа), там есть и **мнимые ($\sqrt{-1}$)**? / Вот почему я настойчиво хотел увидеть $\sqrt{-\text{человека}}$ и **единицу, делимую на человека**» (5:157–159) и др.

Поэтологемы как подчинённые творческой программе единицы могут воплощаться с разной степенью имплицитности, в том числе на уровне определённых художественных приёмов. К примеру, *внутреннее склонение слов* обозначает основанную на паронимической аттракции лингвистическую идею Хлебникова о падежах «внутри слова» (6:33). Данная единица эксплицитно артикулируется в диалоге «Учитель и ученик» и в статье «Наша основа», а на уровне творческой практики проявляется, к примеру, в стихотворении «Лунный свет»: «**Син**, **сын сини**, / Сей **сон**нные **сен**и и **сил**ы / На **сёл**а и сад…» (2:82).

Таким образом, поэтология Велимира Хлебникова предстаёт не просто как совокупность эстетических принципов и саморефлексия, а как целостный когнитивно-творческий проект, в котором математика, лингвистика, история и искусство интегрируются для решения единой сверхзадачи – гармонизации мира через овладение временем и преодоление разобщённости между людьми, а также между человеком и окружающим его миром. Введение понятия «поэтологема / поэтологизм» позволяет зафиксировать и описать те узловые образно-терминологические единицы (*законы времени, языководство, будетлянство, мыслезём, Я-Мир, мыслящая печь, мнимость*), которые одновременно работают как в художественных текстах, так и в теоретических статьях Хлебникова, а также в его публицистике и автодокументалистике. Данные элементы не сводятся ни к поэтическим образам, ни к научным терминам, ни к языковым концептам: они сохраняют эстетико-поэтологическую энергию, будучи при этом наполнены определённым когнитивным содержанием.

В качестве перспектив дальнейших исследований можно предложить следующие направления. Во-первых, необходимо детальное литературоведческое описание выделенных поэтологем: проследить их генезис, трансформации и контекстуальное функционирование в разных сочинениях (от ранних стихотворений до «Досок судьбы» и сверхповестей), а также их дальнейшая системная фиксация по принципу словаря / литературной энциклопедии. Во-вторых, заслуживает изучения вопрос о том, как поэтологемы Хлебникова коррелируют с творческой практикой его современников – В.В. Каменского, В.В. Маяковского, А.Е. Кручёных. Наконец, предложенный методологический инструмент («поэтологема» как регулярно воспроизводимая образно-терминологическая единица) может быть апробирован

на материале произведений других авторов, в творчестве которых граница между художественным и внехудожественным дискурсами также оказывается проницаемой, например: у О.Э. Мандельштама («камень»), Р.М. Рильке («Weltinnenraum»), И.А. Бродского («вещь»), Г.Н. Айги («Поэзия-как-Молчание»), К.А. Кедрова («метаметафора», «инсайд-аут») и др. Это позволит не только углубить понимание индивидуальных стилей, но и выйти на более общую проблему: как поэтическое мышление становится формой познания и моделирования реальности?

Источники

Поэтика 2008 – Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Главный. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2008.

Хлебников 2020 – Хлебников В.В. Собрание сочинений: В 6 т. М., 2020.

Литература

Абдыкадырова, Назарова 2022 – Абдыкадырова С.Р., Назарова М.К. Корреляция понятий концепт, художественный концепт и межкультурный концепт // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 2-1. 2022. С. 110–114. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-2-1-110-114.

Бойков, Захаров, Пильщиков, Сысоев 2010 – Бойков В.Н., Захаров В.Е., Пильщиков И.А., Сысоев Т.М. Тезаурус как инструмент поэтологии // Моделирование и анализ информационных систем. 2010. Т. 17. № 1. С. 5–24.

Васильев 2015 – Васильев С.А. «Воин не наступившего царства…» (Поэтический стиль Велимира Хлебникова): монография. М., 2015.

Васильева 2012 – Васильева Т.И. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7-1(18). С. 51–54.

Григорьев 2000 – Григорьев В.П. Будетлянин. М., 2000.

Дуганов 1990 – Дуганов Р.В. Велимир Хлебников: Природа творчества. М., 1990.

Егоров 2013 – Егоров А.А. Поэтологический образ «магического кристалла» как квинтэссенция творческого метода М.И. Цветаевой и И.А. Бродского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11-2(29). С. 89–93.

Житенев 2022 – Житенев А.А. Современная российская поэтология и проблема экфрасиса. Berlin, 2022. (NEUERE LYRIK. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien). DOI: 10.3726/b20217.

Киршбаум 2016 – Киршбаум Г. Экфразы Андрея Тарковского и эстетика меланхолии в эпоху застоя // Andrej Tarkovskij Klassiker – Классик – Classic –

Classico Beiträge zum Ersten Internationalen Tarkovskij-Symposium an der Universität Potsdam, Potsdam, Germany. Vol. Band 2. Potsdam, Germany: Universitätsverlag Potsdam, 2016. Pp. 377–397.

Кормин 2013 – Кормин Н.А. Эстетическая настроенность познания // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. Выпуск 6. М., 2013. С. 54–79.

Котелевская 2018 – Котелевская В.В. Томас Бернхард и модернистский метароман. Ростов на Дону; Таганрог, 2018.

МВХ 2000 – Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998). М., 2000.

Сложеникина, Растягаев, Кухно 2018 – Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В., Кухно И.Ю. Авторский термин: к определению понятия // Онтология проектирования. 2018. Т. 8. № 1 (27). С. 49–57.

Тарасова 2020 – Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. М., 2020. DOI: 10.12737/monography_5a0a9111f301b8.88351304.

Тростников 1997 – Тростников М.В. Поэтология. М., 1997.

Федотова 2012 – Федотова С.В. Поэтология Вячеслава Иванова: монография. Тамбов, 2012.

Шливар 2024 – Шливар В. Патафизика смеха Геннадия Гора // Зборник Матице српске за славистику. Vol. 2024. No. 106. 2024. P. 29–43.

Аймұхамбет, Миразова 2021 – Аймұхамбет Ж.Ә., Миразова М.Н. Абай поэтологиясы: бейнелілік парадигмасындағы көркем детальдің қызметі // Turkic Studies Journal. 2021. Vol. 3, No. 2. Pp. 7–18. DOI 10.32523/2664-5157-2021-2-7-18.

Ammon 2018 – Ammon F. II.9 Lyrik: Exemplarische Autorpoetiken im 20. Jahrhundert. In: Grundthemen der Literaturwissenschaft: Poetik und Poetizität. Berlin, Boston: De Gruyter, 2018, pp. 234–251. DOI: 10.1515/9783110410648-010.

Hufnagel 2017 – Hufnagel H. Wissen und Diskurshoheit: zum Wissenschaftsbezug in Lyrik, Poetologie und Kritik des Parnasse 1840–1900. University of Zurich, Faculty of Arts, 2017. DOI: 10.1515/9783110348576.

Kaysers 2024 – Kaysers P. Gedächtnis und Futurismus. Ein Vergleich von kubofuturistischer und egofuturistischer Lyrik aus der Perspektive des Gedächtnisses. Berlin, 2024. DOI: 10.3726/b20931.

Kita-Huber 2015 – Kita-Huber J. Jean Paul Und Das Buch Der Bücher. Zur Poetisierung Biblischer Metaphern, Texte Und Konzepte. Hildesheim, Zürich, New York, 2015.

Nielsen 2020 – Nielsen T.R. Poetologisk analyse: Begrebslige og metodiske overvejelser. In: Peripeti, 2020, no. 17(32), S. 19–30. DOI: 10.7146/peri.v17i32.122190.

Scherer 2003 – Scherer S. Witzig Spielgemäde: Tieck u. das Drama der Romantik. Berlin; New York, 2003.

VELIMIR KHLEBNIKOV'S POETOLOGY: PRELIMINARY NOTES

K.V. Kamensky
Kursk State University

The article analyzes Velimir Khlebnikov's poetological views scattered throughout his literary, journalistic, and theoretical texts. The study aims to systematize the author's ideas about the nature of poetry, the role of the poet, and the tasks of creative work; moreover, it seeks to theoretically substantiate the concept of "poetologeme" ("poetologism") as a methodological construct for literary analysis of the key units of the author's poetics. The material consists of Khlebnikov's literary, theoretical, and autodocumentary texts presented in the six-volume collected works. As a result, the study identifies the key principles of the Budetlyanin's poetology: word creation as the revelation of hidden linguistic resources, mathematical interpretation of history, rejection of strict syllabo-tonic meters, emphasis on reader participation, exposure of the word's ambiguity, orientation toward the future, and elimination of the "intelligibility" criterion applied to the evaluation of poetic texts. Consequently, the study introduces the concept of "poetologeme" defined as a regularly reproduced figurative-terminological unit with a stable semantic core that functions simultaneously in artistic and non-artistic discourses. For example, the following major (macro)poetologemes of Khlebnikov are identified: "laws of time", "linguistry" (yazykovedstvo), "Budetlyanism", "thought-soil" (myslez'om), "I-World", "thinking furnace", and "imaginariness". The study concludes that Khlebnikov's poetology constitutes a cognitive-creative project in which mathematics, linguistics, history, and art serve as mutually complementary tools for understanding and transforming reality. The methodological construct developed in the article ("poetologeme") can be applied in the study of works of other authors, in whose poetics the boundary between artistic, philosophical and/or scientific discourse also turns out to be permeable.

Keywords: Velimir Khlebnikov, poetology, poetological analysis, poetologeme, idiostyle, avant-garde, futurism, Silver Age, Budetlyanism (or Budetlyanstvo), laws of time, zaum-language (transrational language).